

Мифогеография: пространственные мифы и множественные реальности

Иван Митин

Существование индивида, социальной группы или общества в целом *где-то*, в каком-то пространстве – предполагает то или иное *осмысление* этого пространства. первоначально оно просто осваивается, одомашнивается, далее начинаются, к примеру, процессы отграничения «своего» и «чужого» пространства, возникают – по тем или иным данным – представления о последнем; строятся устойчивые *оценочные* суждения о различных местах... Так постепенно каждое место «обрастает» интерпретациями: оценками, описаниями, стереотипами, мифами.

Гуманитарная география – если понимать таковую в узком смысле – имеет дело как раз с *представлениями о пространстве и месте*. Исследования таких миров в сознании, миров, закрепленных в культуре – не есть, по большому счету, инновация. Тем не менее, современные культуры с закрепленными в них пространственными практиками представляют собой определенный вызов – прежде всего, географической науке. Суть его в том, что необходимо не просто изучить особенные миры, созданные в тех или иных обществах или социальных группах, даже не просто разобраться в совокупных представлениях людей о пространстве, влияющих на принятие решений – должно понять, *что происходит в каждом конкретном месте*, как оно трансформируется. Исконной географической задачей со времен античности было создание комплексных географических характеристик (КГХ), попросту говоря, географических описаний – они призваны были дать информацию о месте. В условиях же современного мира реальности каждого места оказываются неизбежно – множественными; даже просто КГХ каждого места создано порой по несколько десятков, не говоря уже о всевозможных интерпретациях другого рода. Конечно, все они так или иначе осмысляются – в культурологии, этнографии, социальной и культурной антропологии, литературоведении, локальной истории... но во всех этих случаях фокус внимания переносится от места к идее.

Выведенная в название статьи мифогеография как концепция имеет географические корни, однако, в большой степени, выходит за рамки этой науки. Тем не менее, считая ее направлением гуманитарной географии, мы исходим из того, что в «фокусе внимания» мифогеографии – конкретные места и пространства.

Недостаточно просто *увидеть* множественные реальности одного места. Эта множественность – лежит на поверхности. Даже именование одного и того же места Европой, Россией, Москвой, центром столицы, Замоскворечьем, Верхними Садовниками, Болотной площадью, сквером Репина – уже намекает на бесконечное число коннотаций, каждая из которых способна развиться до такой степени, чтоб создать собственный мир (или миф!). А ведь описанная операция – банальная географическая игра масштабами. Значит, необходимо еще и *понять*, как в конкретном месте могут сосуществовать

множественные реальности, как они переходят одна в другую и сочетаются друг с другом, можно ли структурировать их и сравнить с теми или иными традиционными для географической науки категориями. Именно эти цели преследует настоящая статья. Также автор ставит перед собой задачу упорядочить концептуальные основы мифогеографии как одного из направлений гуманитарной географии. Такое наложение целевых установок оправдывается интеграционным потенциалом, который был заложен в мифогеографию: это не столько подход к изучению пространственных мифов, сколько особый взгляд на пространство как текст.

Тем не менее, неверно было бы сводить специфику мифогеографии к специфике ее объекта. Правильнее было бы сказать, что ее отличает особенный взгляд на «наполнение» картины конструируемых реальностей каждого места; взглядом, подкрепленным мифологическими моделями коммуникации и теорией семиозиса¹ (современных) мифов.

В этом смысле необходимо отметить, что, как и большинство направлений гуманитарной географии, мифогеография имеет дело не с реальностью наблюдаемых объектов, а с реальностью разнородных *представлений*. Полевые и прикладные исследования наводят на мысль о близости (особенно, в отношении интерпретации конкретных локальных пространственных смыслов) различных категорий, обозначающих представления о месте – таких как, например, образ², географический образ³, пространственный (локальный) миф⁴, пространственное представление⁵, пространственный феномен⁶, локальный текст⁷ и др. Различия между этими категориями, прежде всего, выражаются в *интерпретации* конечного продукта, позиционировании категорий как тех или иных составляющих социального мира. Именно так мы понимаем

¹ Семиозис – процесс конструирования мифов. Однако в семиозис заложен еще процесс интерпретации, который не только создает новые мифы, но объясняет, как новые возникают из прежних. Подробнее см.: *Барт Р.* Мифологии. М., 2000.

² См.: *Гачев Г. Д.* Вещают вещи, мыслят образы. М., 2000; *Голд Дж.* Психология и география: Основы поведенческой географии. М., 1990; *Ильин В. Г.* Город: образ, концепт, реальность (социокультурный анализ). Ростов-на-Дону, 2003; *Коломейцева О. В.* Образ города в новейших отечественных исследованиях // Культурный ландшафт: Теоретические и региональные исследования. Третий юбилейный выпуск трудов семинара «Культурный ландшафт». Отв. ред. В. Н. Калущков, Т. М. Красовская. М., 2003. С. 78-88; *Конева Е. В.* Образ города как коммуникативная знаковая структура – текст // Семиотика пространства: Сб. науч. тр. Междунар. ассоц. семиотики пространства. Под ред. А.А. Барабанова. Екатеринбург, 1999. С. 413-430; *Линч К.* Образ города. М., 1982; *Михайлов Н. Н.* Образ места // Вопросы географии. Сб. 10. Экономическая география СССР. М., 1948. С. 193-198.

³ См.: *Замятин Д. Н.* Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов. СПб., 2003; *Замятина Н. Ю.* Взаимосвязи географических образов в страноведении: Дисс. ... канд. геогр. наук. М.: Географический факультет МГУ, 2001; *Замятина Н. Ю.* Использование образов мест в преподавании страноведения и градоведения // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 1 Гл. ред. Д. Н. Замятин. М., 2004. С. 311-326; *Лавренова О. А.* Географическое пространство в русской поэзии XVIII – начала XX вв. (геокультурный аспект) М., 1998.

⁴ См.: *Григорьева Е.* Пространство и время Петербурга с точки зрения микромифологии // Sign System Studies (Труды по знаковым системам). Vol. 26. Tartu, 1998. P. 151-185.

⁵ См.: Мир глазами россиян: мифы и внешняя политика. Под ред. В.А. Колосова. М., 2003.

⁶ *Буровский А. М.* Петербург как географический феномен. СПб, 2003.

⁷ *Абашев В. В.* Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь, 2000; *Топоров В. Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М., 1995.

специфику мифогеографии¹ – как не только концепции, занятой изучением пространственных мифов, но и оригинального подхода к упорядочиванию *множества* пространственных интерпретаций.

Место как палимпсест

Ключевым понятием мифогеографии является *палимпсест*, или модель «Место как палимпсест». Именно категория палимпсеста отражает специфичное для этого научного направления представление о способе сосуществования множественных интерпретаций пространства и места.

Принципиальным для мифогеографии является «раскладываемость» представлений о месте на отдельные *признаки*. Сложные, многокомпонентные, с потаенными смыслами, неоднозначные – пространственные представления должны быть структурированы и представлены в тексте в виде *контекстов*, т.е. наборов признаков. В основе такого понимания лежит информационный подход, подразумевающий, что пространственное представление суть *система* признаков (элементов, характеристик и т.п.) места. Это позволяет, в частности, применить к пространственному мифу теоретические географические разработки, касающиеся вопросов методологии КГХ, географических описаний.

Модель палимпсеста наводит мосты между двумя возможными путями репрезентации пространственных представлений. С одной стороны, можно сравнивать и соотносить множественные реальности, создающиеся в *различных сферах представленности*, в разных ипостасях, на разных уровнях обобщения и осмысления, наконец, созданные в разных *категориях* пространственных представлений. С другой стороны, можно в каждом конкретном месте выявлять отличные друг от друга представления о нем, связанные, естественно, именно с теми самыми разнообразными уровнями. Модель палимпсеста ставит акцент именно на конкретных местах (локалистский подход). Однако, целью внедрения в мифогеографию модели места как палимпсеста является как раз обогащение этого подхода идеей сосуществования множественных миров (прежде всего, социальных), что, в результате, позволило выработать представление о множественности реальностей каждого конкретного места, которые, с одной стороны, не являются в полной мере уникальными по своей структуре и набору для каждого отдельного места, с другой стороны, также не являются просто частями различных всеохватывающих миров. Это позволяет, в частности, рассматривать не только множественные социальные миры, но и множественные реальности, специфика которых – содержательная, т.е. связана с теми или иными признаками самого места.

Таким образом, в основе мифогеографической модели действительности – представление о множественности интерпретаций каждого места. Каждое место – это не просто реально наблюдаемые объекты, признаки, элементы, характеристики. В процессе бесконечного семиозиса пространственных мифов создаётся множество реальностей одного места. Суть этого процесса в *бесконечной интерпретации* (оценке, описании, анализе и т.п.) пространственных представлений.

Теперь нам необходимо как можно более чётко определить модель системы пространственных смыслов каждого места.

Что мы знаем уже об этой модели? Каждому месту должно соответствовать множество КГХ, пространственных представлений и мифов, частных суждений и оценок. Никакой набор признаков места, частных КГХ, доминант, образов, смыслов не может считаться конечным, полным и однозначно иерархически выстроенным.

Мы предлагаем рассматривать в качестве такой модели *палимпсест* – в оригинале, это древняя рукопись на пергаменте, написанная по смытому или соскобленному тексту. **Палимпсест** в новом понимании – это система из множественных реальностей, в которой каждая из них может в определённых условиях становиться главной; это целостная совокупность пластов, иерархия которых вариативна.

Место как палимпсест предстаёт перед нами как *сумма разнородных (кон)текстов, каждый из которых ориентируется на свою доминанту (главный признак¹) и, в определённых условиях, «закрывает» собой остальные.* Хотя, строго говоря, доминантными (главными) могут становиться различные признаки, для каждой конкретной прикладной задачи зачастую на первое место выходит какая-нибудь одна (или несколько) доминанта, контекст которой в данной ситуации приобретает первостепенное значение.

Современный польский литературовед А. Баглаевский так «раскрывает» город Гданьск как палимпсест: «...Возникает Гданьск волшебный (как волшебны Прага, Дублин, Витебск), место, говоря словами Чеслава Милоша, возведённое в другую степень. Этот текстуальный Гданьск – скажем с самого начала – есть место-палимпсест перемешанных и затаённых цивилизационно-материальных культурных пластов, своеобразный сплав следов, фрагментов, элементов, которые можно «выгрести» из-под новоявленных напластований и которые можно читать на разных языках <...> Грасс показывает, как эта культурная – и не только, кстати, культурная – инкорпорация становится иллюзорной, когда знаки письменности обращаются в пепел <...> Просто эти пласты только разом, а не каждый в отдельности, становятся “Гданьском”»².

Географическое пространство, будучи составленным из мест-палимпсестов, перестаёт быть плоской двумерной «картинкой», превращаясь в сложную *многомерную структуру, которую следует «читать» под разными углами.* Палимпсест – это не только яркие и запоминающиеся срезы информации о месте, из которых каждый читатель может сформировать *своё видение.* На самом деле, «восприятие города <...> складывается из ряда наслаивающихся друг на друга мысленных представлений о нём, каждое из которых строго индивидуально, но у всех формируется вокруг общих точек отсчёта»³.

Мы можем не просто говорить о реально выявляемых территориальных социально-экономических системах, а находить *особенные* точки зрения на отдельные объекты. Например, при анализе экономико-географических проблем города Кондрово Калужской области, мы можем рассмотреть его функции в контексте области (небольшой

¹ Митин И. И. Комплексные географические характеристики. Множественные реальности мест и семиозис пространственных мифов. Смоленск, 2004. С. 78-99.

² Баглаевський А. Місто. Палімпсест. Перекл. Г. Чопік // Ї. Незалежний культурологічний часопис. 1998. №13. С. 109-111 (перевод мой – И.М.)

³ Голд Дж. Указ. соч. С. 118.

приближённый к областному центру промышленный город)¹; можем проанализировать его значение для мировой целлюлозно-бумажной промышленности (один из двух центров производства растительного пергамента в мире)²; можем описать Кондрово и его окрестности как одну из потенциальных достопримечательностей окрестностей Москвы (усадьба в Полотняном Заводе)³. Каждый раз мы имеем возможности для качественного географического изучения города – но в разных контекстах.

Мы получили особенную картину, в виде которой полезно представлять всякое изучаемое место – это палимпсест множественных реальностей; это ряд сосуществующих географических слоёв, контекстов, пластов места, которые можно рассматривать автономно; это система накладывающихся пространственных представлений.

Таким образом, **палимпсест** – нестрогая модель системы пространственных представлений, предполагающая:

1. *сосуществование множественных реальностей* одного и того же места,
2. *автономность* каждой из этих реальностей как одного из пластов единого палимпсеста,
3. возможность установления определенных правил, по которым строится *каждый* из этих пластов,
4. возможность выявления определенных закономерных (в той или иной логике) *связей* между пластами,
5. существование некоей *иерархии* пластов палимпсеста каждого места в каждый конкретный момент времени для каждого человека (или социальной группы),
6. *вариативность* такой иерархии пластов, ее не-единственность.

К пластам палимпсеста можно причислить, например, географические описания, статистические справки о территории, КГХ, пространственные образы и мифы, локальные тексты и способы выражения/осмысления места. Особенно важной нам видится оппозиция «КГХ места – пространственные мифы». Присущее географии от века ключевая задача – описывать землю – решается посредством создания КГХ, каждая из которых призвана всесторонне и комплексно отразить своеобразие каждого места.

Проведенный нами историко-географический и методологический анализ⁴ позволяет сформулировать кратко основные правила построения КГХ:

1. При создании КГХ следует рассматривать каждое место как совокупность признаков (элементов, характеристик и т.п.), выделение которых суть семиологическая и структурная инвентаризация места.
2. Необходимо не собирать и пытаться объединить *все* признаки места, а *отобрать* только наиболее необходимые и актуальные из них, в том числе вычленив один или несколько главных – доминанты места.

¹ Экономическая география Калужской области. Сост. Н.Ф. Бочкарева и др. Калуга, 2002.

² Митин И. И. Сложные условия роста // Целлюлоза. Бумага. Картон. 2004. №2. С. 26-28.

³ Иванов В. А., Студенов Н. С. О калужском золотом кольце // Пятая краеведческая конференция Калужской области: Тезисы докладов. Отв. ред. А.Н. Артузов, Н.С. Студенов. Обнинск, 1990. С. 6-8.

⁴ Митин И. И. Комплексная географическая характеристика: историко-географический и методологический анализ // Вестник МГУ. Серия географическая. 2003. №4. С. 15-21; Митин И. И. Комплексные географические характеристики. Множественные реальности мест и семиозис пространственных мифов. Смоленск: Ойкумена, 2004. С. 7-32.

3. Акцент при создании КГХ следует сделать не на полноту такого географического описания, а на его целостность. Это значит – попытаться проработать, прежде всего, *связи* между отдельными признаками, построить *иерархию* признаков от доминант к второстепенным.

4. Доминантные признаки места должны не просто служить основой КГХ, определять главное, что следует знать о месте. Они должны быть связаны с другими отобранными признаками – например, быть объяснением, следствием, иллюстрацией или обобщением этих признаков.

5. Отбор признаков и выделение доминанты неизбежно будут индивидуальными для каждого места и субъективными для каждого исследователя. Данный факт не является причиной для отрицания научности создаваемых таким образом КГХ, поскольку этого требует сама специфика методики – именно в этом ее основа и «секрет» успеха – ведь надо выявить, прежде всего, именно *уникальность* данного конкретного места.

6. Структура признаков и доминант КГХ каждого места может быть подвержена трансформациям, например, с целью решения прикладных задач. Это должно быть обеспечено структурируемостью системы признаков и четкими связями признаков в иерархиях, ориентирующихся на доминанты¹.

Что касается рассмотрения пластов палимпсеста как пространственных мифов, то этот аспект заслуживает более тщательного рассмотрения, поскольку играет крайне важную роль в утверждении специфики мифогеографии.

Реальность пространственных мифов

Изучение мифов в гуманитарной географии требует внимания к двум основным аспектам сущности мифа. Во-первых, для географии важно разобраться в реальности мифа, чтобы понять, в каком ключе необходимо исследовать соотношения реальности мифа с реальностью наблюдаемых объектов. Географическое изучение реальности мифа, в частности, предполагает исследование мифических пространств, ибо именно в них наиболее ярко сходятся мифология и география. Во-вторых, необходимо проникнуть в механизм формирования пространственного мифа с тем, чтобы понять природу множественности, присущей палимпсесту.

Исследования **мифических пространств** в рамках географии нашли отражение, прежде всего, в одной из глав книги И-Фу Туана «Пространство и место...», носящей название «Мифическое пространство и место» (Mythical Space and Place)². И-Фу Туана интересует скорее не собственно экзистенциальная сущность мифического пространства, а возможности его *возникновения* в сознании людей в связи с реально наблюдаемыми объектами или вне влияния оных.

¹ Более подробно суть избранного нами *синтетического* пути достижения комплексности (противоположного *аналитическому* – см. Баранский Н. Н. О связи явлений в экономической географии // *Он же*. Избранные труды: Становление советской экономической географии. М.: Мысль, 1980. С. 160-172; Геттнер А. География. Её история, сущность и методы. Л., М., 1930.) в географических характеристиках территорий изложена в Митин И. И. Комплексные... С. 7-57.

² Tuan Yi-Fu. Space and Place. The Perspective of Experience. 9th ed. Minneapolis – London: University of Minnesota Press, 2002. P. 85-100.

Тем не менее, в самом начале главы Туан объясняет, почему пространственные мифы (а, по большому счету, вообще мифологическое знание) имеет право на существование в современном научном дискурсе: «мифы, тем не менее, – не дело прошлого, ибо человеческое понимание остаётся ограниченным. Политические мифы лежат на поверхности. Существование географических мифов, действительно, не столь очевидно. Мы знаем о физических характеристиках Земли больше, нежели до 1500 г., но это знание – коллективно, оно сохраняется в массивных энциклопедиях и географических трудах. Знание, которым обладают индивидуумы (члены определённых социальных групп) остаётся очень ограниченным, выборочным; оно варьируется в соответствии с образом и условиями жизни»¹.

Как возникает *мифическое пространство*; за счёт чего оно функционирует? И-Фу Туан выделяет два вида мифических пространств, различных как по своей сущности, так и по способу возникновения в сознании. Первый вид суть пространства незнаемого, которые окружают известное нам (обитаемое в повседневной жизни) пространство. «Когда мы пытаемся представить, что лежит по ту сторону горной цепи или океана, наше воображение конструирует мифические географии, которые могут в малой степени соотноситься с реальностью»².

Второй вид мифического пространства складывается как «пространственный компонент видения мира, концепция локализованных ценностей, которыми люди руководствуются в повседневной жизни»³. Это, таким образом, и есть пространство смыслов, поле принятия решений, мета-пространство.

Получается, что первый случай возникновения мифического пространства связан с воображаемыми пространствами, которые возникают в сознании, как минимум, на основании данных о наблюдаемой реальности соседних мест. Мифическое в этом случае есть интерпретация соседнего объекта, продукт воображения, активизирующегося в ситуации пограничья.

Во втором случае мифическое пространство не является интерпретацией какого-либо конкретного места из реальности наблюдаемых объектов. Оно встраивается как элемент в некую общую сконструированную картину мира. Это означает, что такое мифическое пространство есть часть определенного социального (субъективного) мира. Поиск в такой мифической реальности конкретного места – это вычленение ее элемента, по определению, неавтономного.

И-Фу Туана, однако, в духе западной географии восприятия интересует в большей степени процесс, формирующий мифические пространства в сознании, равно как и конвенциональный статус мифа в географическом мире. Принципиальное отличие мифологического знания – его *неверифицируемость*. «Мифическое пространство – это интеллектуальный конструкт. Оно может быть создано. Оно возникает посредством чувств и воображения как ответ на базовые человеческие потребности. Мифическое пространство отличается от прагматического или охватываемого научным дискурсом тем, что игнорирует логику исключения и противоречия. Логически, космос может иметь лишь один центр; в мифе центров может быть много, хотя один может и доминировать над

¹ *Tuan Yi-Fu*. Op. cit. P. 85. Перевод здесь и далее сделан автором.

² *Tuan Yi-Fu*. Op. cit. P. 86.

³ *Tuan Yi-Fu*. Op. cit. P. 86.

остальными»¹. Мифические пространства создаются изначально именно силой *воображения*. В современном мире пространственные представления людей исходят не только (а порой не столько) из восприятия, но и из воображения; т.е. формируются как мифические пространства. Это, в частности, подтверждают исследования мифов в туризме² и в повседневной памяти людей³.

Таким образом, существующие исследования мифических пространств в большей степени ориентированы на познание *субъекта*, их создающего, и *легитимацию* их экзистенции в сознании, и в меньшей степени – на *объект*, которому соответствует это необычное пространство. Для мифогеографии, напротив, же важны именно *соотношения* (пространства и субъекта).

В своем исследовании сущности – а точнее, реальности – мифа мы будем опираться, и это следует оговорить сразу, на теорию *современных мифологий* в гораздо большей степени, нежели на исследования традиционных архаичных мифов.

Тем не менее, именно в работах, рассматривающих мифы в первобытных обществах, мы находим базовый постулат для мифогеографии: **миф – это реальность**. Мирча Элиаде считал миф единственно верной моделью действительности⁴. Исследователи первобытных обществ, в которых мифы являются «живыми», указывают на «чёткую грань, различающую миф – «сказание истинное» и те рассказы и сказки, которые они относят к «сказаниям вымышленным»»⁵. Таким образом, согласно современным научным представлениям о мифе, «это не выдумка, но – наиболее яркая и самая подлинная действительность»⁶. «Миф говорит только о происшедшем *реально*, о том, что себя в полной мере проявило»⁷.

Но насколько реален миф? Пространственным мифом действительно является тот мир, в котором действуют люди – а он вовсе не всегда идентичен реальности наблюдаемых объектов. В теории современных мифов постоянно возникает тема другой реальности. Ролан Барт объясняет сам механизм, благодаря которому мифологическое знание создает одну реальность из другой. Дело в том, что миф, «не желая ни раскрыть, ни ликвидировать понятие, его натурализует. В этом главный принцип мифа – превращение истории в природу. Отсюда понятно, почему в глазах потребителей мифа его интенция, адресная обращённость понятия могут оставаться явными и при этом казаться бескорыстными: тот интерес, ради которого высказывается мифическое слово, выражается в нём вполне открыто, но тут же застывает в природности; он прочитывается не как побуждение, а как причина»⁸.

¹ Tuan Yi-Fu. Op. cit. P. 99.

² Blom T., Nilsson M. Lockelser i det okanda // Aronsson L., Karlsson S.-E. (red.) Turismens och fritidens mangfald. Karlstad University Studies. 2001. No. 18. Turism och Fritid. Karlstad: University of Karlstad, 2001.

³ Bell D.S.A. Mythscapes: memory, mythology, and national identity // British Journal of Sociology. 2003. Vol. 54. No. 1. P. 63-81.

⁴ Почепцов Г. Г. Теория коммуникации. М., 2001. С. 341.

⁵ Элиаде М. Аспекты мифа. М., 2001. С. 36.

⁶ Лосев А. Ф. Диалектика мифа // Он же. Из ранних произведений. М., 1990. С. 396.

⁷ Элиаде М. Указ. соч. С. 36.

⁸ Барт Р. Мифологии. С. 255.

Миф действительно постоянно синтезирует новые реальности, значит – пространственный миф создает множественные реальности каждого места. *Деформация реальности при сохранении ее подлинности* – вот конвенциональный статус каждого из пластов палимпсеста.

Настало время определить – в сущностном отношении – что есть пространственный миф и как отграничить его (если это, конечно, необходимо) от других типов пространственных представлений. Знаменитая формула «*миф – это слово*»¹, в общем-то, повторяется у большинства исследователей в различных трактовках. Она просто требует тщательного отграничения мифологического от других родов информации². При этом «у мифа есть формальные границы, но нет субстанциональных»³. По мнению Ролана Барта, *мифом может быть всё, что угодно* – по крайней мере, оно становится таковым, когда «к его чисто материальности прибавляется определенное социальное применение»⁴. Для нас важен такой аспект: «мифическое слово создаётся из материала, уже обработанного с целью определённой коммуникации; поскольку в любых материалах мифа, образных или графических, уже предполагается их понимание как знаков, то о них можно рассуждать независимо от их вещественной основы»⁵.

Значит, в географии мифом может стать всё, что угодно? Да, но *мифы различаются по своей устойчивости*. В теории мифологии принято считать, что миф априори должен быть сформировавшимся, устойчивым представлением, некоей, можно сказать, сложившейся системой. Для географии это, на наш взгляд, означает, что *пространственный миф должен составлять один из пластов палимпсеста множественных реальностей места*. Состоятельность мифа для формирования одной из этих целостных и – как мы показали – в определенном смысле автономных реальностей легитимирует пространственное представление в качестве мифа: не просто слово о пространстве, а такое слово, которое может сформировать вокруг себя целый контекст признаков места, и, следовательно, дискурс, в рамках которого может существовать устойчивое видение конкретного места.

В какой степени такое произведенное нами *сужение* понимания сущности пространственного мифа влияет на его отграничение от *других* категорий, активно используемых в гуманитарной географии? На наш взгляд, оно *не* является определяющим. Так, Д. Н. Замятин, определяя географический образ, отмечает, что «в абсолютном приближении идеальный, или максимально эффективный, географический образ можно отождествить с географической реальностью»⁶. Образы в данном понимании являются «компактными моделями определенного географического пространства (или географической реальности)»⁷. Таким образом, географическим образом становится не всякий признак места, а некая система признаков (переводя эти определения на «язык», предложенный нами для мифогеографии). Н. Ю. Замятина в своей трактовке образа места

¹ Барт Р. Указ. соч. С. 233.

² Лосев А. Ф. Указ. соч.

³ Барт Р. Указ. соч. С. 233.

⁴ Барт Р. Указ. соч. С. 234.

⁵ Барт Р. Указ. соч. С. 235.

⁶ Замятин Д. Н. Гуманитарная география. С. 48.

⁷ Там же. С. 48.

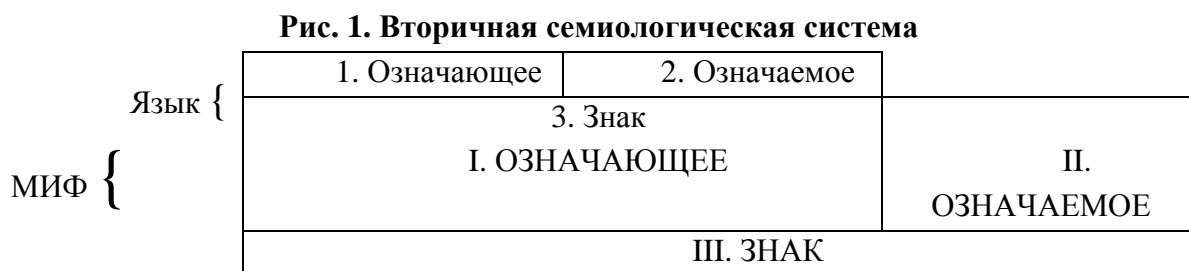
подчеркивает, что это «определенным способом организованная, внутренне целостная информация о месте»¹. Для нас важно, что такое понимание географического образа согласуется и с нашим представлением о нем как возможной составляющей палимпсеста реальностей, и с требованиями синтетического подхода к КГХ, и с обозначенным определением пространственного мифа.

Значит, видимо, для гуманитарной географии важнее не отличия мифа от других категорий, а различия в механизме формирования и трансформации разного рода представлений о пространстве и месте.

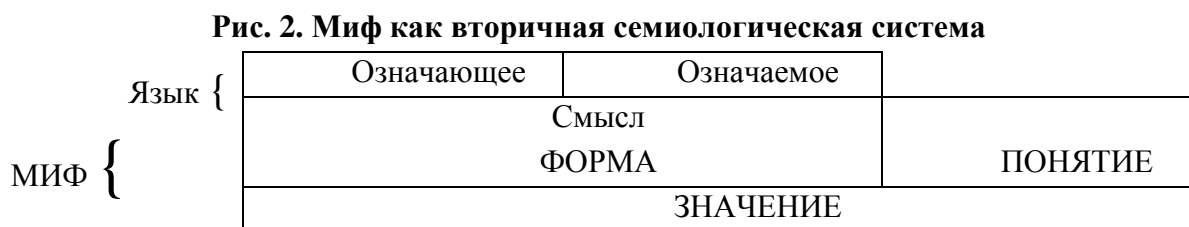
Семиозис пространственных мифов

Однозначной трактовки возникновения и преобразования мифологического знания не существует². Мы считаем наиболее удобной для интерпретации пространственных мифов и их семиозиса концепцию, предложенную Р. Бартом в книге «Мифологии». Это связано, прежде всего, с пристальным вниманием Барта именно к означающему и его непосредственным отношениям с означаемым и значением, простым обоснованием множественности мифов, «отталкивающихся» от одного и того же означающего первичной семиологической системы.

Итак, по Р. Барту, всякий миф – это вторичная семиологическая система, построенная так³:

Дабы избежать путаницы с терминологией, укажем, как трансформируется эта структура, если мы, для удобства обозначения её элементов, придадим им, в след за Р. Бартом, отличные друг от друга названия⁴:

¹ Замятина Н. Ю. Использование образов мест... С. 311.

² См.: Зенкин С. Ролан Барт – теоретик и практик мифологии // Барт Р. Мифологии. М., 2000. С. 5-53.

³ Барт Р. Указ. соч. С. 239.

⁴ Барт Р. Указ. соч. С. 241-242.

В пространственном мифе в качестве первичной семиологической системы – с определённой условностью – можно рассматривать не только язык, но и пространство в его обыденном понимании, а вернее – конкретное место, определённую целостную часть реальности наблюдаемых объектов или реальности традиционной КГХ.

Означающим мифа становится языковой знак, т.е. *смысл* выражения, заложенного в текст географической характеристики либо некая интерпретированная исследователем посылка (*message*) того или иного объекта реальности наблюдаемых объектов – другими словами, наполненный смыслом элемент традиционной географической реальности. Что происходит с этим знаком, когда он становится не более чем означающим? «При превращении смысла в форму из него удаляется всё случайное; он опустошается, обедняется, из него испаряется всякая история, остаётся лишь голая буквальность»¹. Парадоксально, но это означает, что доминанта *обедняется*, поскольку её контекст (т.е. «стянутый» к ней набор признаков) обозначен схематично либо вовсе не выражен.

Таким образом, пространственный миф, будучи яркой моделью реальности, отражает в себе традиционные признаки места (например, входящие в КГХ). Однако, реальность мифа преобразует эти признаки, наделяя их смыслом заново. Изменяется, таким образом, целевая установка текста о пространстве. Если в классической КГХ необходимо было всесторонне *описать* место, т.е. цель сводилась к познанию – то в пространственном мифе требуется скорее *интерпретация* данных описания, привлечение их для объяснения того или иного явления, идеи, феномена, образа.

Если в КГХ, построенной на принципах синтетического подхода, *отбор* признаков был необходим для целостного *представления* множественных элементов места, то в пространственном мифе отбор – помимо этого – служит цели «увязки» всех элементов с доминантной идеей, со значением мифа. Роль доминанты как главного признака места в пространственном мифе по сравнению с КГХ – усиливается.

Пространственный миф *проще*, чем КГХ. Параллельно, как это ни парадоксально, он гораздо более *осмыслен*. Это своего рода *квинтэссенция* КГХ, «сухой остаток», собранные воедино доминантные признаки КГХ места.

Допустим, мы приняли за доминанту создаваемого пространственного мифа села Михайловского Олонецкого района Карелии² основательность, крепкость (*loi*). Это есть означаемое следующих означающих: характер застройки, прошлая зажиточность совхоза, этимология одного из названий села (Лояницы), определённые черты характера жителей и проч.³. Принимая за означающее, к примеру, зажиточность совхоза («миллионера»), мы могли бы подробно описать историю землепользования в волости, историю создания совхоза, этапы его развития, рассмотреть причины банкротства, указать на последствия роспуска совхозов для современного села и проч.⁴. Пространственный миф требует от нас нового отбора элементов. Обеднение доминанты в данном случае есть обеднение её контекста, придание ему краткости, отсечение «шума». В нашем примере, мы можем

¹ Барт Р. Указ. соч. С. 242.

² Митин И. И. Комплексные географические характеристики... С. 110-111, 119-124.

³ Ахпоева С. Топонимика деревень Михайловской волости // История страны в судьбах наших земляков: Докл. науч.-практ. конф. учащихся. Олонец, 1998. С. 35-42.

⁴ Игнатьев А. Н. Использование земель в Олонецком районе // Олонцу – 350: Тезисы научно-практической конференции. Олонец, 1999. С. 86-93.

рассказать о совхозе-миллионере, который дал возможность многим жителям Михайловского, опираясь на семейные подряды выстроить себе за казённый счёт новые просторные дома, подводя, таким образом, потребителей этого пространственного мифа к ещё одному означающему – характеру построек. Прочие элементы, составляющие этот контекст, могут считаться лишними. «Значение знака есть знак, взятый в свете своего контекста»¹. Создавая новый пространственный контекст палимпсеста Михайловского, мы не искажаем полного статистического свода справок о селе. Мы *намеренно обращаем внимание* потребителей на то, что посчитали главным.

В пространственном мифе необходимость отражения в целостной системе довольно большого числа признаков места, свойственная КГХ, компенсируется возможностью последующего изменения значения однажды отобранного означающего и многократной интерпретации уже подобранных значений.

Пространственный миф в еще большей степени, нежели КГХ, нуждается в тщательной проработке *связей* между элементами, составляющими каркас означающих мифа. Это позволяет представить конкретное место в максимально сжатой форме, но также и построить «фундамент» для обширнейшей интерпретации признаков места, «разворачивания» доминант.

Превращение смысла в форму (см. **рис. 2**) может повторяться многократно – никакой пространственный миф, полученный в процессе семиозиса, *не* является конечным. Каждый знак в определённом контексте может быть превращён в означающее (см. **рис. 1**) и наполнен новым смыслом – на очередном витке интерпретации пространственных представлений. Всякий раз будет просто заново реализован тот же механизм, который до этого породил исходный для данной ступени интерпретации миф.

Понимание интерпретации пространства как *семиотико-мифологической процедуры* показывает, что процесс семиозиса, в котором на каждый знак наслаиваются снова новые значение и понятие – бесконечен. В географии это особенно просто: как только предметом исследования становится *не* пространство, а *повествование* о пространстве (например, КГХ) – можно говорить о следующем уровне в иерархии семиологических систем. «Множественность уровней возникает как плата, внесённая мифической мыслью, чтобы иметь возможность перейти от непрерывного к прерывному»².

Итак, можно сформулировать некоторые правила создания пространственных мифов³:

1. Пространственный миф *должен основываться на реальности*; каждая географическая характеристика должна опираться на реальность места или другого его описания, становясь просто следующей его интерпретацией. Пространственный миф – не ложь, не вымысел, не обман, но отражение подлинной реальности.

2. Рассматривая реальность как основу мифа, мы не должны забывать и о мирах, конструируемых людьми. Мы должны учитывать сложившиеся в сознании установки и

¹ Лосев А. Ф. Аксиоматика знаковой теории языка // *Он же*. Знак. Символ. Миф. Труды по языкознанию. М., 1982. С. 61.

² *Леви-Строс К.* Мифологии. В 4-х тт. Том 1. Сырое и приготовленное. М.; СПб, 1999. С. 324.

³ *Митин И. И.* Комплексные географические характеристики... С. 71-73.

стереотипы. Реальны не только наблюдаемые объекты, но и существующие в сознании формы и категории.

3. В пространственном мифе осуществляется *деформация* реальности при сохранении ее подлинности. Миф меньше ориентирован на донесение максимума доступной информации, чем стремится *компактно и связно* отразить проявление в месте той или иной идеи – *доминанты*.

4. Создавая пространственный миф, необходимо чётко себе представлять *потенциальных потребителей*, на которых нацелена данная характеристика. Каждая группа людей имеет свои особенности, которые нам надо учитывать.

5. Пространственный миф – своего рода «скелет» места, увенчанный ореолом *осмысленности*. Процесс создания мифа места – это путь к обеднению контекстов признаков, способных сформировать целостную реальность-пласт палимпсеста; отбор среди уже однажды отобранных признаков.

6. В отличие от КГХ, отбор признаков не только облегчает восприятие и обеспечивает цельность изложения, но и стремится к *«разворачиваемости»* и *интерпретируемости*. Необходимо заботиться о том, что каждое означающее могло быть наделено максимально большим числом означаемых и, наоборот, чтобы каждое значение, выдвинутое в качестве доминантного признака места, могло найти «опору» в как можно большем числе означающих.

На пути к мифогеографии

Так и создается мифогеография: из множества «осколков» различных подходов. Важно, что в центре внимание ее лежит – конкретное место, конкретный географический объект. Его необходимо «нарастить» до бесконечного палимпсеста множественных реальностей. Чтобы представить место, привлечь к нему внимание, сделать его известным – месту необходимо сконструировать востребованные имиджи и бренды, построить доминантно-географические связи его признаков...

Секрет мифогеографии в том, что она пытается отразить то, что *уже само собой строится в жизни*. Наши представления о географических объектах в *повседневности* основываются не на логике Логоса, а именно на логике Мифа. Именно в таких множественных мирах пространственных представлений мы живем. Чтобы познать эти миры и научиться ими управлять недостаточно представлять каждую из реальностей как КГХ места, созданные порой неспециалистами и часто с сугубо прикладными целями. Не всегда довольно и подходить к этим представлениям феноменологически, пристально рассматривая их как географические образы. Анализ пространственных представлений как мифов позволяет компактно и логично изучать динамику множественных реальностей места – а, значит, и влиять на нее, создавая новые реальности.

Термином **«мифогеография»** мы можем – в общем – обозначить нашу интенцию к продуктивному *симбиозу географии и мифологий* (в самом широком смысле). Мифогеография в этом смысле может иметь три основных направления¹:

¹ См.: Митин И. И. На пути к мифогеографии России: «игры с пространством» // Вестник Евразии. 2004. №3. С. 140-161.

- 1) рассмотрение самой географии как системы мифов, т.е. мифологии;
- 2) географический анализ сложившихся пространственных мифов, укоренившихся пространственных представлений, стереотипов, установок сознания;
- 3) рассмотрение географической реальности (множественных реальностей места) как системы мифов или представлений, или как знаковых систем, разграниченных в рамках отдельных сосуществующих контекстов.

На наш взгляд, предпринятое выше рассмотрение мифогеографии в рамках гуманитарной географии доказывает необходимость сдвига акцентов к последнему пункту из перечисленных. Это же показывает и анализ сравнимых подходов семиотики пространства¹, предпринятый нами в работе «На пути к мифогеографии России: “игры с пространством”»².

Мифогеография – это, прежде всего, изучение системы множественных реальностей каждого места (палимпсеста) и вычленение отдельных ее пластов (контекстов признаков), *игра с пространством*.

Мифогеография опирается на представление о том, что каждому месту в соответствие может быть поставлена не только единственная реальность наблюдаемых объектов, не только существующие в сознании каждого индивида субъективные отражения этой реальности, но некая единая система-палимпсест. Обозначенные выше свойства палимпсеста позволяют говорить об этой бесконечной системе пластов в рамках научного дискурса.

Мифогеография как подход позволяет интерпретировать продукт других направлений географии как один из возможных пластов такого палимпсеста – хотя, конечно, вопрос о соотношении базовых категорий гуманитарной географии остается темой отдельного исследования.

К этому остается – в заключение – добавить, что каждое место ни в коем случае не есть случайный набор неких признаков, который исследователь, придерживаясь концепции мифогеографии, собирает воедино. Каждое место – это, по существу, особый мир. Представление о палимпсесте множественных реальностей – шанс не упустить многогранность этого мира, легитимировать постоянное его обогащение, ибо именно это и происходит постоянно в повседневной жизни, вокруг нас.

¹ *Игнатъева И. А.* Образный каркас исторического города // Семиотика пространства: Сб. науч. тр. Междунар. ассоц. семиотики пространства. Под ред. А. А. Барабанова. Екатеринбург, 1999. С. 431-440; *Конева Е. В.* Образ города как коммуникативная знаковая структура – текст // Там же. С. 413-430;

Пучков М. В. Семиотические взаимосвязи архитектуры и языка // Там же. С. 115-153; *Tchertov L.* Spatial semiosis in culture // Sign System Studies (Труды по знаковым системам). Vol. 30.2. Tartu, 2002. P. 441-454.

² *Митин И. И.* На пути к мифогеографии России: «игры с пространством» // Вестник Евразии. 2004. №3. С. 140-161.